Ещё грязь не смыта с кожи,

Только страха больше нет.

Потому затих прохожий,

Удивленно смотрит вслед.

А движения неловки,

Будто бы из мышеловки,

Будто бы из мышеловки,

Только вырвалась она.

За три слова до паденья,

За второе за рожденье,

За второе за рожденье,

Пей до полночи одна.

А в груди попеременно,

Был то пепел, то алмаз.

То лукаво то надменно,

Ночь прищуривала глаз.

А движения неловки,

Будто бы из мышеловки,

Будто бы из мышеловки,

Только вырвалась она.

За три слова до паденья,

За второе за рожденье,

За второе за рожденье,

Пей до полночи одна.

И уже не искалечит,

Смех лощенных дураков.

Ведь запрыгнул ей на плечи,

Мокрый ангел с облаков.

А движения...

А движения неловки,

Будто бы из мышеловки,

Будто бы из мышеловки,

Только вырвалась она.

(С) Пикник

* * *

- Чувствую себя полной дурой, - решительно заявила Рейнбоу Дэш, когда они с Гайкой прошли какое-то расстояние по шоссе.

- Почему? - тут же спросила мышка.

В голосе пони звучало раздражение:

- Как я ни старалась этого избежать, мы все равно пошли туда, куда направила эта то ли игра, то ли реальность, и уныло бредем в рассвет. Не хватает только губной гармошки и музыки Эннио Марриконе.

Они шли, все больше углубляясь в бескрайний простор, сухой ветер гнал по степи шелестящие волны подсохшей травы.

Рейнбоу цокала подковами по старому асфальту, всерьез обдумывая вариант сдвинуться в сторону и пойти рядом с дорогой. Копытам стало бы комфортнее, да, но одна мысль, что придется продирается через травостой в собственный рост, отбивала все желание. Да и выковыривание из подков налипшей земли тоже занятие не из приятных.

Хорошо еще, понячью обувь можно было снять: благо, такое варварство, как прибивание их гвоздями, ушло в прошлое с появлением удивительных вещей вроде вакуумных застежек или универсального клея. Впрочем, второй еще требовал растворителя, так что рынок понячьей обуви решительно держали подковы на «присосках».

Вот только Дэш не привыкла помногу ходить пешком, и не хватало к текущим проблемам

прибавить еще и сбитые копыта.

- Рейнбоу! - позвала спешащая рядом Гайка, вырвав пегасочку из раздумий.

- Чего? - угрюмо буркнула пони, не оборачиваясь.

- Можно, я сяду тебе на спину?

Дэш даже остановилась от такой наглости и соизволила наградить мышку испепеляющим взглядом:

- Нет!

Запыхавшаяся Гайка возразила:

- Послушай, мне же тяжело угнаться за тобой, ты слишком большая!

- Твои проблемы, - отвернулась пони.

- А когда тебя придавило железным стеллажом - это были твои проблемы, не мои? - не сдалась Гайка Коннорс, скрестив руки на груди и нахмурившись.

- Спасибо. Тебе, - выделяя каждое слово, поблагодарила пегаска.

Никакой благодарности мышь, по мнению пони, не заслуживала. Ведь она, Рейнбоу Дэш, Единственная и Неповторимая, ни о чем не просила! Просто разрешила помочь, так как иначе бы от нее явно не отвязались.

Повисла неловкая пауза. Гайка спросила:

- Ну так что?

- Нет. Нельзя. Ты вроде как изобретатель? Вот и изобрети что-нибудь!

С этими словами Рейнбоу двинулась дальше по дороге. Впрочем, скорость она немного поубавила: в ее понимании она еле ползла что так, что эдак.

- Да в чем твоя проблема? - спросила Гайка, вновь догнавшая пегаску.

- Моя проблема в том, что окружающие постоянно спрашивают меня, в чем моя проблема.

- Здесь никого нет кроме нас! Слушай, я не Ал...

Дэш резко развернулась, взвившись на дыбы. В глазах пегаски горело пламя ярости, о котором Скуталу Агилар честно могла бы сказать, что это было самое жуткое зрелище в жизни.

- Никогда, - процедила Рейнбоу, - слышишь, никогда не произноси при мне это имя! Я умерла, можно сказать, затем чтобы не слышать его и не видеть этих холодных глаз.

- А мне казалась, ты умерла, спасая малышку Скуталу и остальных.

Дэш издала невнятный рык и ускорила шаг.

Гайка была вынуждена бежать, чтобы держаться вровень с пони, а Рейнбоу подавила мелочное искушение пуститься рысью: тогда миниатюрная мышка-синтет точно бы отстала.

Радужная пони старательно гнала прочь мысли о рыжей пегасенке, что с разбитой мордочкой лежит в пузырящейся под дождем луже... И как потом эти ненормальные, Лира и Виктор, уносят малышку прочь. Туда, где темнеет в сумерках обтекаемый флаер...

Пегаска вздохнула. Она и вправду всех спасла тогда, на заброшенном заводе Серого Города. Спасла ценой своей старой жизни, уже смертельно раненая, но главное - по собственному желанию, а не из-под палки Алекса Вендара.

Рейнбоу Дэш, вспомнив тогдашние чувства, замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась. Оглянулась на Гайку, что пока не показывала признаков усталости.

Рубиновые глаза встретились с голубыми. Пегаска вздохнула, успокаиваясь.

- Ты не знаешь, как она? - спросила, наконец, пони.

Мышка лишь покачала головой:

- Когда я видела малышку в последний раз, она лежала в больничной палате без чувств. А потом... потом я умерла, - Дэш вздрогнула, а мышка решила развить успех. - Слушай. Я понимаю твои чувства...

Но эта попытка вызвала лишь еще одну вспышку:

- Понимаешь?! Вот ты - понимаешь меня?! - лазурное копыто с лязгом грохнуло об асфальт с

такой силой, что Гайка испуганно попятилась. – Скажи мне прямо сейчас одно: тебя когда-нибудь насиловали, маленькая мышка?

- Н-но это... - начала было Гайка, но Дэш перебила:

- ДА или НЕТ?

- Н-нет...

- А меня да! - закричала Дэш на грани истерики прямо в лицо собеседницы. – Раз за разом, ночь за ночью, во всех позах, всеми способами! Тот, кто всю жизнь заменял мне отца, и кого я боготворила до этого времени! Мне было шестнадцать фактических, когда он это сделал в первый раз. И моя жизнь из казармы превратилась в кошмар наяву. Кошмар, от которого не проснуться. Не убежать. Не одолеть. Неоткуда ждать помощи. Ты, мать твою, можешь понять МОИ чувства?! Ты не можешь даже представить их себе!..

- Прости меня, - тихо сказала Гайка, глядя в заблестевшие от сдерживаемых слез рубиновые глаза.

На мордочке пегаски отобразилась внутренняя борьба. Гайка бы сказала, чертовски похожая на ту, что изменила мнение радужной пони на заброшенном заводе.

- Ладно, - вдруг сказала пони, отвернувшись. – Можешь сесть на меня. Только держись за ворот, а не за гриву. Все лучше, чем слушать твое нытье или плестись с твоей скоростью.

- Спасибо, Дэш, - улыбнулась Гайка и ловко запрыгнула на прикрытую кожаной курткой спину.

Пони снова зацокала по асфальту. Сидя поверх жесткой кожаной куртки, Гайка подумала, что не лишним было бы седло, но язык не поворачивался даже заикнуться о подобном. Да и взять его все равно было совершенно неоткуда.

Более того, зная о гаптофобии Дэш, мышка слишком ценила этот шаг навстречу, когда та разрешила кому-то ехать на себе.

Через какое-то время радужная пони нарушила молчание:

- Вот скажи. Как думаешь, почему львиная доля культуры... да и вообще всего, что связано с людьми - боль, страх, горе и смерть? И на нас, синтетов, это выливается точно так же. Даже на детские мультики. Всем так нравятся понячьи слезы?

Гайка пожала плечами, хотя смотрящая вперед пегаска не могла этого видеть:

- Меня не спрашивай. Мне больше нравятся улыбки. Все равно чьи, в том числе и понячьи. Слез в этом мире и без того полно.

- Вот и я о том же. Что за чувственный мазохизм такой?

Гайка вздохнула:

- Понятия не имею.

- Вот я полжизни ломала голову, почему. И знаешь, до чего я додумалась?

- До чего?

- А это у людей такая любовь. Они будут причинять тебе боль, слушать твой крик и заходиться от сочувствия крокодиловыми слезами. От искреннего, лягать, сочувствия, без балды. Алекс мне однажды так прямо и сказал: «Я хочу видеть твои слезы». Как раз перед тем, как изнасиловать второй раз. На следующий же день.

- Вендар был извращенец и маньяк, - уверенно сказала Гайка. - И мне не хочется защищать людей, но они и вправду не все такие.

Дэш только хмыкнула:

- Мне встречались только такие. Не подумай, я ведь пыталась взывать к разуму, здравому смыслу... к милосердию, наконец. Просила его не трогать меня там, где всё, как мне казалось, превратилось в месиво. Это привело лишь к тому, что на третий раз он воспользовался другой дверью, - она покосилась на мышку. - Сечёшь, какой милосердный? И винить-то некого, я сама попросила, с его точки зрения. Ему даже в голову не пришло оставить меня в покое хотя бы на эту ночь. А на следующий день я заслужила еще одно наказание, потому что любое движение задними ногами причиняло новую боль, и ловкости это мне не прибавило, как ты понимаешь. И все повторилось.

Гайку передернуло от таких откровений, и она ответила:

- Человек, уничтожающий то, что любит - обречен.

- Видела пример?

- Собственными глазами, - ответила Гайка. - Наш хозяин убивал маленькие живые игрушки ради развлечения. И слез в нашем игрушечном домике текло не меньше, чем в «Пони-Плее». При этом маленький садист заливался горькими слезами, когда погибал кто-то из нас. Его очень расстраивало, что кто-нибудь не вставал после того, как был раздавлен шаром для

боулинга, например.

- Какой, лягать, милый мальчик, - буркнула Дэш, затем помедлила, словно собираясь с духом, но все же добавила. - Но все же, не говори больше, что понимаешь мои чувства, хорошо? Меня это бесит.

- А что, он разыгрывал сценки из мультиков, это была любимая игра, - продолжила Гайка. - К счастью, меня подобная участь миновала. Что в первом доме, что во втором - в мою задачу входило обеспечивать техническую часть. Но маленький изверг даже и не думал просто остановиться и попытаться понять нас, маленьких синтетов в огромном мире. Так что я очень даже понимаю твои чувства, Дэши... Не ты одна жила в нескончаемом кошмаре.

Рейнбоу прикусила губу. Ей казалось, что ее судьба - самая злосчастная на свете. Но как бы там ни было, хозяин никогда не подвергал жизнь воспитанницы бессмысленному риску, хотя мог. Ремень и хлыст причиняли боль, но не калечили, насилие почти никогда не выходило за определенные рамки - Алекс хотел сохранить Дэш в пригодном для арены состоянии. Иногда истерзанной поняшке доставалось регенеративного геля или даже лечебный курс нанотерапии.

Оказалось, можно быть в еще более отчаянном положении, когда тебя отдают на потеху огромному относительно тебя, сильному, но - ребенку. Который ломает живые игрушки с той же легкостью, что и пластиковые.

Дэш вдруг подумала, что будь она ростом пару десятков сантиметров, как бы она себя чувствовала в мире жестоких в своей беспечности великанов.

- Поразительно, - сказала пони, - я и вправду думала, что хуже, чем у меня, судьбы и быть не может...

- Вот видишь, - улынулась Гаечка. - Так что я давно знала, что ты чувствуешь. К тому же... видела пару раз, что с тобой делал Алекс.

Рейнбоу встала как вкопанная.

- Ты... что?! - выдавила она.

Гайка вздохнула.

- Помнишь, я еще в том мире сказала, что знаю о тебе много? Мистер М хотел быть осведомлен о новой фаворитке арены, и я... пару раз забиралась в ваш дом. Ну и видела вас с Алексом... Прости, я не хотела подглядывать, но так получилось.

Рейнбоу мотнула гривой и опустила голову и уши.

- Ты видела, как он ломал меня, да? - почти прошептала она. - Как заставлял меня умолять?

- Нет, - ровным голосом соврала Гайка, - ни разу я не видела, чтобы ты умоляла. Видела однажды, как ты пыталась дать отпор и пару раз - как молча терпела. И до конца я не досмотрела ни разу - это было просто выше моих сил...

...Тот, чей рост не превышает пары десятков сантиметров, в мире людей будет незаметен. Даже просто так, а уж в стелс-костюме и с подавителем сканеров - и подавно.

Гайка отточенным движением закинула тело в открытую форточку на тридцатом этаже и распласталась по потолку на присосках.

Можно было оснастить костюм антигравитацией и кучей электроники, но на все это могли среагировать системы защиты.

А мышка должна была оставаться незамеченной.

В комнате на scomканной кровати лежала пони. Твайлайт Спаркл. Наполовину укрытая одеялом и немного взъерошенная.

Из огромных фиолетовых глаз медленно текли слезы, и единорожка явно была погружена в какие-то мрачные мысли.

«Снова, и снова, и снова, - подумала Гайка. - Сколько еще таких историй я встречу на своем пути?»

- Твайлайт, - позвала она полупшепотом, и лавандовые ушки встали торчком.

Пони огляделась, но незаметное дрожание воздуха на потолке, конечно же, ускользнуло от внимания.

- Кто зовет меня? - спросила она.

Гайка тихонько вздохнула и проговорила заученную фразу:

- Твайлайт Спаркл Армстронг, тебе предлагают сотрудничество. Если заинтересуешься, то в следующий раз, когда придешь в «Пони-Плей», найди там серую единорожку в синем комбинезоне и скажи, что хочешь послушать предложение мистера М.

- Меня здесь грязно домогаются, а вы тут со своими предложениями! - возмутилась единорожка и вновь расплакалась. - Когда мы ставили этот эксперимент с Элементами Гармонии, никто даже не предполагал, что нас размножит и раскидает по человеческому миру!

- Мистер М может помочь, - сказала Гайка, чувствуя, как сердце сжимается. - И все что он просит взамен - немного информации, запросы которой тебе будут передавать.

В глубоких фиолетовых глазах мелькнул интерес:

- Кто такой мистер М? Чего добивается?

- Все вопросы - связному, - ответила Гайка, - я всего лишь посыльный.

- А что если я не захочу сотрудничать? - недоверчиво поинтересовалась пони.

- Да ничего. Живи себе как знаешь, и с проблемами тоже справляйся сама. Мистер М никому не навязывает свою помощь.

Единорожка задумалась. Гайка видела эту внутреннюю борьбу уже много раз. Надо сказать, почти все пони соглашались. Не все - сразу, не всегда - охотно, но за редким исключением все вступали в сеть информаторов мистера М. Многие люди игнорируют синтетов, но у тех от этого не пропадают ни глаза, ни уши, ни пара умелых рук или ног тогда, когда нужно.

Объем информации и власти безраздельного властителя синдиката «Синтезис» Гайка даже представить себе не могла, хоть и являлась частью организации.

- А мистер М сможет помочь мне... - пони выразительно покосилась на дверь комнаты.

- Все возможно.

- Тогда я согласна выслушать детали.

- Хорошо. К слову, предложение касается всех синтетов в этом доме. Но ты была бы оптимальным представителем интересов группы.

- Почему?

- Ты организованная и рассудительная, и никогда не наделаешь глупостей. Это пока все. Единорожку-контакт можешь называть «Минталка». Удачи и держись.

Последние слова Гайка всегда добавляла от себя, с кем бы ни говорила: гуманоиды, пони, фурри, неки...

Задание под названием «Армстронг», высвеченное на внутренней стороне шлема, мигнуло и погасло. Следующий пункт задания значился в зажиточном частном секторе Серого города. Надпись, как всегда, означала фамилию владельца синтета.

«Вендар, – мысленно произнесла Гайка, выскальзывая обратно в форточку. – Контакт – Рейнбоу Дэш. Опять пони... Сегодняшний день на них богат...»

...Дом в частном секторе утопал в зелени сада и высоких живых изгородей.

Не Зеленый сектор, конечно, но один из самых благополучных районов Серого города: немногие здесь могут позволить себе персональный дом на поднятой над основной застройкой платформе-квартале.

Гайка третий час лежала на ветке вишневого дерева, задумчиво поедая уже пятую ягоду. Выйти на контакт с юной пегаской было сложнее, чем казалось вначале.

Потому что суровый хозяин, за все утро не выпустивший из рук бамбуковой палки, почти не отходил от радужной пони.

Внимание Гайки вновь привлек резкий хлопок и последовавший за этим взвизг.

Она скосила взгляд и увидела, как пегасочка-подросток внимательно слушает что-то говорящего хозяина и осторожно потирает круп передней ногой. Гайка уже сбилась со счета, сколько раз эта несчастная Рейнбоу Дэш получила сегодня по мягкому месту бамбуковой палкой. Уж точно больше двадцати.

«Садист, – заключила мышка, отбрасывая очередную косточку от вишни. – Гребанный садист и извращенец. Хотя поняша не выглядит забитой рабынькой, странно...»

Случай переговорить с Рейнбоу так и не представился, Даже после обеда, когда принявшая душ, наевшаяся и прошедшая сеанс массажа пегасочка вошла в комнату и с удовольствием растянулась на ковре в компании с понячьей книгой серии «Дэринг Ду». В комнате был идеальный порядок, кругом – символика в виде эмблемы «Вондерболтс» и кьютимарки самой Дэш. И, конечно же, все было оформлено либо в голубых, либо в белых и черных тонах.

Эта Дэш не отличалась оригинальностью.

Гайка, сидя на спинке кровати, уже хотела отключить маскировку, но тут в комнату вошел Алекс Вендар.

Рейнбоу хотела было вскочить, но хозяин остановил ее словами:

- Лежи, не дергайся. У тебя отдых.

Вендар поднял руку с коммуникатором и начал водить туда-сюда по комнате. Рейнбоу Дэш, привстав с кровати, с любопытством наблюдала за действием.

- Мне показалось, сенсоры что-то засекли, - пояснил Алекс недоумевающей поняше. - Я пока не знаю, кто за этим стоит и что ему тут надо, но пусть знает: попадется - полиции сдам по частям за проникновение в частную собственность.

- Круто! - подскочила Дэш. - Шпионы!

- Успокойся и продолжай отдыхать. Твой режим из-за этой мелочи не меняется.

- Да, мастер, - немного разочарованно согласилась Рейнбоу Дэш, вновь укладываясь на постель, но продолжая следить за хозяином.

- Ты набрала сегодня восемнадцать штрафных баллов за утро, - сказал Алекс. - Расслабилась?

Лазурные уши тут же опустились.

- Алекс, я... - начала было она, но осеклась.

Человек кивнул:

- Умница. Наконец-то вспомнила науку до порки. Никогда не оправдывайся, это практически означает вину. Минус штрафной.

- Спасибо, мастер!

- Не за что. У тебя остались твои законные семнадцать. И если хочешь избежать наказания, тебе придется очень постараться на сегодняшних тестах.

Мышка, вошедшая в режим повышенной скрытности, слушала и диву давалась. Таких отношений между человеком и пони она еще не встречала. Было известно, что хозяин - очередной любитель поразвлечься с маленькими цветными лошадками, но, похоже, Рейнбоу Дэш Вендар все еще оставалась девочкой. По информации Гайки, лазурная пони прожила в этом доме всю жизнь, и только недавно хозяин впервые представил ее на Арене. Юная радужная пегаска произвела фурор, начисто выбив всех фаворитов, и даже юниорскую чемпионку. От потери титула ту спасло лишь то, что матч был товарищеским, а у Дэш Вендар

еще даже не было десятка выигранных боев.

Впрочем, ни одного проигранного тоже.

Остаток дня Гайка провела в доме Вендара, периодически входя в режим глубокой маскировки, что безжалостно жгло батареи костюма.

Вечером Алекс, руководствуясь некоей системой штрафных баллов, выпорол Рейнбоу Дэш ремнем, причем явно не в первый раз. Пегаска стоически вытерпела все положенные удары (она так и не смогла добиться выдающихся успехов на послеобеденных занятиях) и даже поблагодарила хозяина «за науку». И да, в ее поведении просматривался некий трепет перед человеком. Но при этом никакого страха загнанного зверька, присущего почти всем пони, подвергшимся насилию.

Гайка уже успела повидать всякое отношение к синтетам: равнодушие, покровительство, ненависть, симпатия и даже любовь. Кто-то предпочитал относиться к искусственным существам как к равным, другие признавали только рабство. Гайка видела, как разумные синтеты находятся попросту в положении животных или бездушных предметов. Все они соглашались, по меньшей мере, выслушать предложение мистера М. Но эта восторженная радужная девчонка, судя по всему, была счастлива по-настоящему. Даже более счастлива, чем те пони, с которыми пытались «дружить» после того, как восторги от новизны покупки угасали.

У Рейнбоу Дэш Вендар была устраивающая ее жизнь, любимое дело и цель, к которой идти. Строгий наставник и даже свободное время, наполненное музыкой и обычными развлечениями вроде кино или походов в город с Алексом.

Мышка, какое-то время понаблюдав за безмятежно уснувшей Рейнбоу Дэш Вендар, растворилась в вечерних сумерках, даже не попытавшись начать разговор...

Похоже, с этой пони договариваться придется отдельно.

...Дэш подняла взгляд. В рубиновых глазах блестела влага, но слезы так и не капнули в дорожную пыль.

- Спасибо, Гаечка, - сказала пони и продолжила путь, продолжая рассуждать на ходу. - Наверное, хуже всего было то, как он тащился от того, что каждый раз ломал мой дух. Мало было просто изнасиловать, он не останавливался, пока я, потрясающая, гордая Рейнбоу Дэш, не начинала умолять о пощаде, плакать и кричать. Я была готова на что угодно, лишь бы он прекратил, просто на всё. И делала это самое «всё», когда сил терпеть не оставалось, попросту не смея послушаться. И у Алекса было богатое воображение, чтобы унижать меня все сильнее каждый раз, когда ему вздумается.

- Не рассказывай, - сказала Гайка, - я же вижу, что тебе это больно.

Но Дэш не слушала:

- ...Кто-нибудь может упрекнуть меня в слабости. Но кто испытывал подобное, поймет меня, а кто не испытывал - тот мне не судья. Доходило до того, что дни, когда Алекс ограничивался просто изнасилованием или поркой, я считала благодатью. Но я не получала удовольствия, нет, - пегаска бросила на собеседницу взгляд, полный боли. - И я понятия не имею, на кой жмых рассказываю тебе все это.

Гайка вздохнула, и маленькая рука осторожно погладила шею пони. Голубая шерстка была столь шелковистой, что почти не чувствовалась. Впрочем, у мышки была почти такая же, только значительно короче.

И она знала, что это специально было сделано еще на заре эры генной инженерии. Шерсть синтета должна была быть как можно приятнее на ощупь: все для клиента.

Дэш ошутимо вздрогнула от прикосновения и скосила глаза. Подумала, что видит в глубине голубых глаз ту же боль, что наблюдала в своих, глядя в зеркало.

Гайка вдруг тоже начала рассказывать:

- Каждый раз, когда маленький хозяин заходил в комнату, мы все старались тщательно загнать подальше паническую, подленькую мысль: «Только не я! Только не меня!». Когда этот мальчик проходил мимо, никто не мог предугадать, что ему взбредет в голову и относительно кого. И кто не переживет этот день. Жизнь в страхе. Монстр внутри золотой клетки, который может растерзать любого даже не от голода, а из прихоти. И собаки, стерегущие территорию - тоже синтеты, но верные хозяевам до конца. Мышка Селестина пыталась убежать... Наша веселая, добрая художница - ужасы дома довели ее до отчаяния очень быстро. Хозяин, когда пес принес ему дрожащую от страха беглянку, разрешил ее сожрать прямо там. Пес, конечно, не стал отказываться от свежатины... И мы все это видели.

- Проклятье, - тихо проговорила Дэш.

- У тебя, по крайней мере, была возможность сопротивляться и драться за свою жизнь на арене, - вздохнула Гайка. - А что может сделать маленькая мышка даже против ребенка?.. Против злобного разумного добермана или маламута? Это бессилие лишь усиливало страх.

Гайка замолчала, и Рейнбоу Дэш какое-то время молча брела по старому шоссе. Наконец, пегаска обернулась к сидящей на спине мышке и с напряжением, словно выдавливая каждое слово, сказала:

- Прости, что накричала на тебя. Мне сдается, мы оказались вместе не просто так...

- Пустое. Всем нам зачастую кажется, что мир вращается вокруг нас. А учитывая то, что говорил Вард, просто так в этом мире вообще ничего не случается...

- Да, ты права, - грустно вздохнула пони.

Она еще успела сделать несколько шагов, когда мышка позвала:

- Дэши...

- Чего?

На почти человеческом лице Гайки вдруг заиграла заговорщическая улыбка.

- А ты можешь скакать быстрее?

Дэш вернула улыбку.

- Держись.

Взвившись на дыбы, пони бросилась вперед, взяв с места в карьер. Гайка, вцепившись в воротник куртки, издала восторженный писк, когда в ушах засвистел ветер, а мерный цокот копыт сменился лихим топотом, сопровождаемым двухголосым смехом...

* * *

Мышка, подпрыгивая на спине пони, подумала, что создай те настоящую невыдуманную цивилизацию, то та так и не изобрела бы автомобили. Поезда для габаритных и тяжелых грузов - возможно, но зачем грузиться в повозку, когда можно банально добежать на своих четырех? Не говоря уже о полете или магии.

Но даже находящаяся в хорошей форме пегаска в конце концов притомилась бежать. Бока начали тяжело вздыматься, а от гривы стал исходить аромат, почему-то напоминающий какой-то едва заметный освежающий парфюм.

Рейнбоу Дэш перешла на неспешный шаг на склоне пологого холма и, протянув копыто, ловко подцепила с сумки флягу.

Жадно припав к влаге, пегаска оторвалась, лишь когда посудина опустела больше чем наполовину. Покосилась на спокойно сидящую Гайку и спросила:

- Пить будешь?

- Глоточек.

Рейнбоу налила воды в пробку, и мышка с удовольствием отпила уже начавшей теплеть воды, затем спросила:

- А у нас вообще воды много?

Пони хмыкнула:

- Да пофиг.

Они как раз взобрались на вершину холма. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась бескрайняя степь с редкими возвышенностями, по которым тянулась серая лента шоссе. Ветер гнал по траве дрожащие волны, залитые медным светом двух светил.

- Интересно, когда следующая остановка? – спросила Гайка. – Что-то не похоже, чтобы тут на каждом шагу были колодцы и автоматы с газировкой.

- Фляга еще одна есть, – немного смущенно буркнула Рейнбоу.

- Надо экономить. Иначе мы рискуем...

- Да ничем мы не рискуем, – усмехнувшись, заявила Дэш. – Если это гребаная игра, мы обязательно найдем воду, а если мы уже умерли, то чего нам бояться?

- А если мы... как-то по-другому перенеслись в этот мир? – предположила мышка. – Нам здесь периодически хочется есть, пить, спать, в туалет, наконец? Ты уверена, что хочешь подобным образом испытывать судьбу?

Дэш призадумалась. Утром она и вправду чувствовала голод и жажду. Да что там, от долгого бега ей тоже захотелось пить и стало жарче. Правда, пегаска почувствовала себя лучше в целом: разошедшаяся кровь будто смыла плохое настроение и мерзкие воспоминания о хозяине.

Признать правоту мышки пришлось. Буквально через день похода по безводной степи вода у путешественниц кончилась: экономить никак не получалось. Попытки раскопать источник

среди жухлых кустиков не привели ни к чему кроме еще большей жажды: поднявшаяся от сухого грунта пыль набилась везде, где только можно. По мнению Дэш, на которую легли основные земляные работы, специально в глотке.

Проблем только прибавилось: теперь еще где-то нужно было вымыться и постираться.

А еще прибавилось раздражение на Гайку, что не могла помочь в нахождении воды.

В конце концов, обе путешественницы были типичными «детьми асфальта», и, неплохо ориентируясь в городе, в дикой природе оказались оторванными от привычной среды и сферы услуг.

Кроме того, Рейнбоу Дэш плоховато определяла расстояния пеших переходов. Привыкшая перемещаться со скоростью больше ста километров в час, даже галопом не могла покрывать хотя бы приблизительное расстояние полета в день...

* * *

...Пыльное шоссе протянулось через раскаленную зноем двух солнц степь, полную пожухлой травы.

Одинокая пегаска брела по жаре. Шерстка слиплась от пота и забилась пылью, а в горле пересохло. Дэш уже давно сняла куртку и перекинула через спину.

Поверх устроилась Гайка, тоже изнывающая от жары: климат-контроль комбинезона не работал, и пришлось расстегнуть его почти до самого низа.

Черная одежда играла с путешественницами злую шутку: два солнца, красное и желтое, нещадно палили и создавали впечатление, что сверху вместо неба нависает пышущая жаром кухонная плита.

Вода давно кончилась: когда путницы выходили из Блессин Шейдс, то не брали с собой много. И обстоятельств не предвидели, да и тащить с собой бочку или даже большую бутылку было бы тяжело.

- И как тут еще пустыня не образовалась, - злобно прошептала Рейнбоу сквозь сжатые зубы. - Я вам верблюды что ли?

Сейчас как никогда жалко было невозможности полететь. Там, в вышине, никогда нет жары, только приятная прохлада и даже задорный морозец.

И злость, вызываемая этим чувством, позволяла раз за разом поднимать ногу и делать шаг. Еще и еще. Несмотря на сухость в горле, снова и снова вдыхать пыльный и сухой воздух.

Дэш вспоминались «специальные» тренировки: кружка воды утром, физические упражнения на жаре, потом еще одна большая кружка – в обед. И только вечером допускается принять душ и напиться вволю. Это летом. А зимой наоборот: легкая одежда, запрет укрываться во сне и на пользование горячей водой весь день, кроме вечера... Жар и холод, в дополнение к усталости и боли.

Хорошо еще, Алекс прибегал к этому лишь время от времени.

Но теперь Дэш гораздо легче переносила перепады температур. Суровая наука закаливания не раз пригодилась ей даже еще в том, прошлом мире.

Гайке же вскоре стало совсем плохо: через какое-то время она обмякла, и даже упала со спины пони в дорожную пыль. Рейнбоу тогда остановилась с тихим проклятием. До кучи на землю сползла еще и куртка, и Дэш сопроводила это новым ругательством.

Кожаная одежда сейчас была просто кошмаром. Куртку пони скинула еще несколько часов назад, но задние ноги и круп были будто в печке.

«Все равно никто не видит», – решила Дэш.

Пользуясь незапланированной остановкой, она вылезла из шорт, затем свернула одежду поплотнее и сунула в седельную сумку. В другую, где лежали одеяла и подстилки, положила бесчувственную Гайку и, не застегивая клапан, двинулась дальше.

Сколько пони брела сквозь дрожащий от зноя воздух, она не взялась бы точно сказать. Но вскоре идти стало тяжелее, и, подняв взгляд, Рейнбоу Дэш увидела, как дорога поднимается на довольно крутой склон холма.

– Да, действительно, почему бы не добавить веселья, – проворчала пони.

Восхождение пешком на холм казалось форменным издевательством для той, кто привыкла летать. Но Рейнбоу была не такова, чтобы отступать перед столь ничтожными трудностями.

Сумки с каждым шагом словно тяжелели, а такой жажды пегаска не испытывала с последнего похмелья.

«Хоть голова не болит и не тошнит, – подумала Дэш, тряхнув головой и отогнав мысли о запотевшем стакане ледяной воды, – и на том спасибо».

Холм – это было хорошо. Желтое солнце уже светило в спину, а значит, тень от возвышенности будет прикрывать изможденных путников. А красное солнце после испепеляющего зноя двойного света покажется приятной прохладой...

Сердце Дэш вдруг радостно подпрыгнуло: прямо у подножия холма росли две пальмы в окружении кустов на островке зеленой травы. А там, под корнями, бил настоящий источник, образующий небольшой прудик с зеленым ковром травы вокруг!

Издав победный вопль, Рейнбоу кинулась галопом вниз по склону.

Чистая, прохладная вода показалась пегаске вкуснее самых изысканных напитков. Но Рейнбоу воздержалась от того, чтобы напиться вволю. Она знала, если выпить сразу и много, можно сильно навредить обезвоженному организму.

Затем пегаска смазала губы Гайке, положив ту рядом с водой в красную тень. Обмакнула в источник носовой платок и пару раз дала мышке высосать влагу из ткани.

– Дошла, – хрипло проговорила растянувшаяся в прохладе пони и улыбнулась закатному небу. – Лягать вашу мать...

* * *

Рейнбоу Дэш Вендар сидела на небольшом бархане, что нависал над оазисом, где они с Гайкой остановились отдохнуть после утомительного перехода. Закатное солнце окрашивало все кругом в медные оттенки, красный гигант тоже клонился к горизонту, и хорошо. Дэш не нравился этот злой, холодный свет цвета крови.

Мучительное забытие мышки перешло в обычный сон, стоило поместить ее в прохладу и в полуобморочном состоянии напоить водой. Пока Гайка не пришла в себя, Дэш позволила и себе напиться вкуснейшей холодной воды. Подумав, решила даже искупаться: источник был проточным и утекал ручьем куда-то в скалы, так что испортить воду пони не боялась.

И теперь в очередной раз настало время раздумий.

Мысли Дэш заняли судьбы тех, кого она спасла.

Рыжая малявка Скуталу, Лира Хартстрингс и сама Гайка, парень из Белого Города и его деваха, что стало с ними? Мышка сказала, что умерла, но ни словом не обмолвилась о том, как. Что произошло и в какой переплет попали остальные? БРТО? Еще один синтет под стать Року? Или просто бандиты, работоторговцы?

Положа копыто на сердце, Рейнбоу не хотела спрашивать. Просто потому, что боялась получить ответ. Лишь вопрос про Скуталу сорвался с языка, и при этом Дэш смогла заставить себя услышать правду. Но что если несмотря ни на что все кончилось плохо, и беглецы были обречены с самого начала? И малышка Скут имела все шансы не проснуться.

А значит, она может быть где-то тут. И ждать впереди, как ждал тот жеребенок в Блессин Шейдс.

От этой мысли стало просто жутко, и по спине пробежал холодок.

Встретить здесь и сейчас ту, которой причинила столько страданий – это было невыносимо. Да, возможно, Дэш заслужила прощение своей жертвой, но действительно ли это так? К тому же, не получилось ли так, что самопожертвование Рейнбоу осталось бесплодным?

Дэш вздохнула. Сейчас, в пустынной степи, когда никто не видит, ей не было нужно носить обычную самоуверенную маску. Ветер дунул в мордочку пони, и та расправила крылья, но лазурные уши почти сразу разочарованно опустились.

Как же хотелось взлететь! Навстречу ветру, облакам, пронзительной свежести, свободе!

Рубиновые глаза прикрылись.

Давно, казалось, вечность назад, она познала этот пьянящий вкус. Не когда хозяин отправился в мир иной, а по-настоящему, когда душа радужной пегаски еще не утратила чего-то неуловимого, но при этом очень важного...

Будильник застал Рейнбоу Дэш Вендар уже бодрствующей.

Пегаска неподвижно лежала на кровати, изо всех сил стараясь отвлечься от ноющей душевной боли. По сравнению с этим притуплялись даже саднящие синяки и ушибы, полученные вчера на арене, а также тягучая боль под хвостом от вечернего изнасилования.

Рейнбоу упорно не желала привыкать к тому, что Алекс, помимо продолжающихся тяжелых тренировок, превратил ее в секс-рабыню для себя. Прошло уже больше года с тех пор, как жизнь Дэш переменилась. Алекс, которого раньше можно было назвать строгим отцом, превратился в маньяка, методично, в три этапа, жестоко растерзавшего невинность маленькой

пони. Теперь любые прикосновения, особенно человеческие, были пегаске настолько противны, что она могла запросто потерять контроль от совершенно невинных жестов вроде дружеского тычка или простых обнимашек.

Все это время Дэш терпела. Честно пыталась следовать совету и наслаждаться. Найти что-то свое в том, что Алекс делал почти каждый вечер с ее телом. Но как можно было привыкнуть к такому разнообразию насилия?!

Дэш почувствовала, что по щеке скатилась слеза.

Что Алекс придумает для нее сегодня? Будет ли там участвовать кожаная сбруя, хлыст или еще что? Фантазия хозяина оказалась чертовски богатой на такие выдумки.

Одна мысль об этом заставила тошноту подкатить к горлу.

Будильник, не дождавшийся подтверждения о вставшей хозяйке, запиликал снова, вырывая пегаску из мрачных раздумий. И на этот раз та все же покинула постель. Хлюпнув носом, она решительно надавила копытом на сенсор выключения, как будто подводя черту.

Волна накатившей было решительности чуть не разбилась о скалу ледяного страха.

Если за невинную пару стаканов виски Алекс исхлестал ее так, что потом два дня было на круп не сесть, что же будет за такое поправление устоев?..

Но стоило вспомнить любой из вечеров за последний год, и страх отступал. Хуже уже не будет. Даже быть не может...

...Алекс Вендар поднялся по лестнице в комнату воспитанницы. Та не соизволила спуститься на зарядку, и человек был весьма удивлен. Рейнбоу не позволяла себе такого вопиющего нарушения режима уже многие годы. Да что там, с восьми лет Дэш всегда спускалась вовремя!

Открыв дверь, он увидел странную картину.

На полу тут и там валялись разбросанные вещи, будто пегаска делала что-то в дикой спешке. Сама же виновница торжества стояла у раскрытого окна, встав передними ногами на подоконник и расправив крылья.

И еще - навьючив на себя седельные сумки, с которыми всегда ходила на пикник или в поход...

...Обернувшись на звук открывшейся двери, пегаска вздрогнула и прижала уши. Алекс стоял в дверях, спокойно созерцая раздрай, устроенный в комнате во время поспешных сборов.

Рейнбоу знала, что когда надо, наставник очень быстр. И расстояние, разделяющее дверь и окно, покрыл бы буквально за секунду. Но человек стоял спокойно и будто ждал последующих действий.

Адреналин выплеснулся в кровь, заставив сердце затрепетать.

Рейнбоу мощным рывком выбросила тело в окно и, хлопнув крыльями, взмыла ввысь.

Ветер свободы ударил в мордочку, и Дэш вдруг почувствовала невероятный подъем. Будто была пройдена какая-то черта, что навсегда, казалось, отделила одну жизнь от другой.

Свобода!

Не будет больше боли, не будет страха, не будет мерзких объятий! Не будет мучителя, что за красивыми словами о победах лишь скрывает собственную похоть...

Даже не верилось.

- Вернись немедленно, Рейнбоу Дэш! - настиг окрик Алекса, подошедшего к окну.

Пегаска оглянулась. Хозяин по-прежнему выглядел спокойным, но этот похолодевший взгляд был уже давно знаком. Внутренне Алекс Вендар клокотал от бешенства.

- Рожденный ползать - летать не может! - хмелея от собственной наглости, крикнула Дэш и рванула ввысь, не слушая угроз, летящих вслед...

...Несмотря на расправленные крылья и мысленные усилия, знакомого чувства легкости и эйфории не наступило.

Антигравитатор не работал, хотя Дэш была относительно сытой, отдохнувшей и здоровой.

И пегаска старательно гнала от себя мысль, что чудо биоинженерии внутри ее тела могло «умереть» навсегда. И что к невозможности взлететь запросто может прибавиться некроз тканей, что в отсутствие медицинских нанит является безапелляционным приговором.

«Я была куда свободнее, сбежав от Алекса и скрываясь в Дыре!» - зло подумала пегаска, отогнав мерзкие мысли.

Воспоминания накатывали волнами, но в этот раз Рейнбоу не противилась им. Наоборот,

живость образов позволяла погрузиться в себя, с новой точки зрения взглянуть на прошедшую жизнь.

Поэтому Дэш лишь прикрыла глаза и отдалась во власть видений. Ярких, живых. И в этот раз они перенесли в те времена, когда Рейнбоу с уверенностью могла сказать, что была счастлива.

В мире людей, который тогда она еще не успела возненавидеть.

«Ну давай, – мысленно сказала она, сжав зубы, – показывай дальше! Ткни меня носом в то, как моя жизнь окончательно превратилась в навоз!»

Воспоминания, словно услышав этот призыв, нахлынули с новой силой.

Рейнбоу не переставала удивляться, как ясно сейчас мыслила ее голова: удавалось все вспомнить в мельчайших подробностях. Она будто заново переживала все, что чувствовала тогда. Запахи старого бетона и пластика, костра и пыльной ткани. Тепло солнечных лучей и прохладу ветра, поющего в недостроенных конструкциях древней высотки. Голоса людей и синтетов, что встречались пегаске тогда. И главное – переполняющие сердце чувства, навсегда оставившие след в душе ...

...Сбежав от хозяина, Рейнбоу Дэш Вендар устроила себе убежище далеко на окраинах, на вершине недостроенной башни из бетона. Крыша здания нависала надо всем остальным, поддерживаемая лишь ажурными конструкциями: лестниц туда еще не было, не было даже этажей. А кровлю, очевидно, положили, чтобы дождевая вода не заливала стройку.

Почему здесь все забросили, Рейнбоу не знала и не хотела знать. Внизу раскинулся довольно поганый район на окраинах Серого города под каким-то номером, но местные звали свой ареал обитания «Дыра» и при этом совершенно не кривили душой.

Люди, гуманоиды, фурри и небольшая община людоящеров-драконопоклонников жили, а точнее, выживали тут. Социальные службы очень редко захаживали сюда, и район держала банда Гора - генофрика с птичьей головой, что любил поразвлечься гладиаторскими боями.

Но Дэш тут нравилось.

Рейнбоу получила разрешение поселиться на вершине заброшенной башни и подрабатывать посыльной в обмен на пару проведенных на местной арене боев. Вежливо отказавшись от подобной карьеры впоследствии («Прости, Гор, от этого и сбежала!»), поняша стала доставлять мелкие посылки и письма. И теперь все в районе давно знали: хочешь передать посылку быстро и надежно - обращай к Рейнбоу Дэш, «которая живет на крыше». И к услугам которой пару раз прибегал и сам Гор.

Да, еда здесь была дрянной, а условия - далекие даже от той спартанской обстановки, к которой привыкла Дэш. Но самое главное - здесь не было хозяина, который мог в любой момент избить и изнасиловать беспомощную пленницу.

Свобода пьянила. Как полеты в облаках, как алкоголь, только без похмелья.

Спроси кто Рейнбоу сейчас, и она бы ответила, что счастлива здесь, в нищете, за бортом жизни огромного города человек...

Однажды утром пегаска вышла из лачуги и улыбнулась рассветным лучам.

Сегодняшний день обещал быть таким же крутым, как и остальные на свободе: наполненным приключениями, полетами и маленькими радостями вроде доброй работы, хорошего обеда и отдыха...

...сильный толчок сбоку стал полной неожиданностью. Не то чтобы башня была неприступна для местных бандитов: все знали, что драконицы из Храма Сета умеют с грехом пополам парить на восходящих потоках, а у Гора есть настоящий вертолет.

Но ни тем, ни другим, не было никакого смысла нападать на Дэш: ничего особо ценного у нее не было, телом маленькой пони (хвала Селестии!) никто в Дыре не интересовался, и насолить она еще никому не успела.

Мысль мелькнула и сгинула, когда Дэш взяли в профессиональный захват, а холодный голос произнес над самым ухом:

- Что, думала сбежать от меня так просто?

Рейнбоу почувствовала, как душа падает куда-то в район выкрученных копыт.

То, чего Дэш боялась все это время, то, что иногда являлось к ней в кошмарах, то, о чем она и думать уже почти забыла, случилось.

Алекс Вендар нашел ее.

- Не для того я угробил годы на твое воспитание, чтобы просто дать тебе сбежать, неблагодарная сучка, - говорил тем временем хозяин, умелыми движениями связывая Дэш крылья и ноги.

Рейнбоу обреченно закрыла глаза. Справиться с Алексом в ближнем бою не было ни единого шанса. Тот был профессионалом боевых искусств и просто невероятно сильным и ловким.

«Я не расплачусь, – подумала пегаска, – ни за что на свете, а как только он меня развяжет, снова улечу. Отправлюсь в другой Гигаполис, если потребуется, но не вернусь к прежней жизни...»

Спеленав Рейнбоу так, что та не могла шевельнуть ничем, кроме хвоста и головы, Алекс пристегнул к ней какую-то упряжь, после чего надел подобную и на себя. В нагромождении ремней и карабинов Рейнбоу с удивлением узнала альпинистское снаряжение.

Алекс, не произнося ни слова, скинул связанную Дэш с крыши, и та не удержала испуганного писка. Но веревка очень быстро замедлила спуск, а еще через несколько секунд с ней поравнялся человек, держащий в руках пульт управления талью.

– Думала, высота обезопасит тебя? – насмешливо спросил хозяин, но явно не ожидая ответа. – А я не говорил, что альпийскую подготовку тоже проходил?

Внизу их ждал... флаер. Почему Алекс не приземлился сразу на крышу, было понятно: Дэш могла заметить нехарактерную для окраин машину. Может, взятый напрокат, а может, еще что.

Вокруг собралось несколько местных, поглазеть на чудо техники, но никто не осмеливался подходить близко: турель разрядника на крыше хищно обводила стволом собравшихся, и никому не улыбалось получить в лицо рукотворную молнию.

Рейнбоу обвела взглядом присутствующих. Здесь было много знакомых лиц: им Дэш доставляла посылки и письма, помогала с работой и вообще могла назвать практически друзьями.

Был здесь и Гор в сопровождении пары громил с пистолетами.

В душе Дэш вспыхнул робкий огонек надежды, что сейчас держащий район вступится за своего верного посланника, но тот почему-то молчал.

Рейнбоу не выдержала:

– Гор! Помоги мне! – она обвела умоляющим взглядом всех присутствующих. – Миссис Мердок, Флами, Сэм! Кто-нибудь, помогите!.. Это мой хозяин, вы не знаете, что он сделает со мной! Помогите, пожалуйста!

Алекс, услышав мольбы Рейнбоу, только криво усмехнулся.

– Вот твои деньги, Гор, – сказал вдруг он, бросая птицеголовому пачку наличных. – Все честно.

Тот только кивнул и, не говоря ни слова, развернулся и пошел прочь. За ним последовали и два телохранителя. Кто-то из людей стыдливо отвел взгляд от вида того, как связанную Дэш закидывают в кабину флаера, а добродушная домохозяйка, недавно кормившая пегаску щами, только виновато улыбнулась. Дескать, не горюй, Дэши, может, все не так уж и плохо.

Тогда Рейнбоу Дэш закричала. Надсадно, отчаянно. У нее было богатое воображение и отличная память. И она слишком хорошо знала хозяина, чтобы понимать, что сегодняшний вечер она запомнит надолго...

Но более всего подкосили не ожидание боли и новая неволя, а то, что все, кого она успела узнать в новой жизни, предали ее. Предали и продали, как Гор. И остальные даже словом не решились помешать Алексу Вендару, что возвращал свою собственность.

Прежде, чем дверь летающей машины захлопнулась, Рейнбоу еще успела бросить взгляд на чистое голубое небо...

...Сдав прокатный флаер, Алекс привез Дэш домой, даже не подумав развязать.

Только рот заткнул кляпом, чтобы рыданиями не отвлекала и не мешала.

Бросив пони на пол, Алекс наклонился к ней и произнес:

- Итак, Рейнбоу Дэш. Как ты понимаешь, столь вопиющее нарушение дисциплины я не могу оставить без наказания. Твой дух бунтарства возобладал над здравым смыслом и высшей целью, поэтому наказание будет особенным. Ты не только пренебрегла всем тем, что я дал тебе, но и показала, что снова стала недостойной доверия, как маленькая и глупая кобылка.

Дэш не могла ответить: кляп Алекс так и не вынул.

Кроме того, у нее уже затекло все тело от тугих пут, и ей не хотелось думать, сколь болезненно мышцы будут приходиться в себя.

Первым делом Алекс застегнул на шее Дэш ошейник. Тот пикинул индикатором и заперся. Судя по утолщению на затылке, это устройство имело заряд или инъектор на случай побега пленника, или же просто лупила носителя током при определенном отдалении от базы.

Потом Рейнбоу была развязана, раздета догола и закреплена на ненавистном топчане, где Алекс раньше делал ей массаж, порол, а последние годы еще и насиловал.

В душе пегаски царил черное отчаяние. Она кричала, когда по крупу и спине гулял хлыст, и к тому времени, когда Алекс пристроился сзади, уже охрипла. Но душа Рейнбоу была далеко отсюда. Там, где нет боли, а только свобода и небо...

...Рейнбоу краем уха услышала, как Алекс что-то говорит. Неохотно вынырнув из грез, она обнаружила, что беззвучно плачет от боли и безысходности.

- Что? - просипела пегаска, подняв мутный взгляд на своего мучителя.

- Еще и не слушаешь? - спросил Алекс. - Хорошо, я повторю. Так как ты была очень плохой пони, когда попыталась улететь, я думаю, что твоим наказанием станет, скажем, месяц без полетов. Вообще никаких. А там посмотрим по твоему поведению.

Рейнбоу в последнем приступе подпитанной отчаянием храбрости, хрипло осведомилась с горькой иронией в голосе:

- Что, привяжешь меня на веревку?

- О нет, не так банально, - усмехнулся человек, после чего Дэш почувствовала, как сильная рука схватила левое крыло и заставила его распрямиться.

В следующее мгновение пони почувствовала острую боль и вскрикнула, словно во сне увидев, что в руке Алекса оказалось длинное голубое перо.

- Нет! - захрипела пегаска сорванным голосом. - Только не это! Не-е-ет!

Забыв о безразличной покорности, она забилась в кандалах, заходясь в сиплых криках.

- О, вот это гораздо искреннее, - прокомментировал Алекс, продолжая медленно и методично ощипывать Дэш. - Одно перо за каждый день твоего отсутствия. Помни: ты всегда наказываешь сама себя.

Количество голубых маховых перьев на полу неуклонно росло.

- Пожалуйста! - наплевав на гордость, предприняла новую попытку пегаска, когда Алекс, выщипав половину маховых перьев с одного крыла, взялся за второе. - Умоляю, нет!..

- Раньше надо было думать, - отрезал Алекс, и правое крыло пронзила новая боль, - когда решила, что сможешь скрыться от меня.

Рейнбоу, захлебываясь рыданиями, без сил упала на топчан. Она в кровь истерла шкурку там, где ее касались кандалы, и окончательно сорвала голос.

Вскоре Алекс закончил и, собрав ворох маховых перьев, показал их Дэш. Та, не выдержав, отвела взгляд и покосилась на свои крылья, которые стали теперь как будто вдвое меньше.

Можно и не надеяться взлететь с такими...

- Теперь случай внимательно, потому что повторять не буду, - сказал Алекс ровным голосом, и Дэш сочла за благо повернуться обратно. - Если ты еще раз посмеешь попытаться улететь, убежать или каким-либо другим образом покинуть меня, я тебя снова найду. И помни, что в этом случае ты лишишься уже не перьев, а крыльев целиком. Навсегда. Это понятно?

Объятая ужасом Дэш нашла в себе силы только кивнуть.

После сегодняшнего у нее не возникло ни малейшего сомнения в том, что Алекс поступит именно так, как сказал.

- Не слышу тебя! - повысил Алекс голос.

- Д-да... это п-понятно... - просипела Дэш, чувствуя, как слезы льются с новой силой.

- Хорошо, - кивнул хозяин, после чего отстегнул все оковы. - А теперь - марш с глаз моих.

Рейнбоу, поднявшись на непослушные ноги, осторожно слезла с топчана и потянулась к джинсам, что валялись на полу.

- Не трогай это бомжатское тряпье, - хлестнул голос человека. - Твоя одежда наверху. Еще не хватало, чтобы ты одевалась как бродяжка.

Рейнбоу Дэш, стараясь не смотреть на голубые перья в руке Алекса, пошла к себе наверх.

- И приберись в комнате, - добавил хозяин вслед. - Уходя, ты оставила беспорядок.

- Д-да... - еле слышно отозвалась пегаска.

Каждое движение отдавалось болью в задних ногах и спине, но все это не шло ни в какое сравнение с болью в сердце, которую, казалось, не сможет исцелить даже немедленная смерть...

Свобода и небо - вот что у нее было еще вчера вечером.

И что с такой безжалостной легкостью у нее было отнято...

Несмотря на яркость переживаний, глаза пегаски оставались сухими: она умудрялась не плакать о своих крыльях целый месяц, пока длилось наказание за побег. Находила в себе силы не отвечать на насмешки недорейнбоу в клубе.

Но тогда она, по крайней мере, понимала, за что терпит.

«А теперь? – думала дальше Рейнбоу. – Почему я должна глотать пыль дорог, топтать ногами и думать о транспорте? Кто меня так наказывает? И за что?..»

Порыв ветра взъерошил голубую шерстку, уже высохшую после купания. Одеваться Рейнбоу пока не стала: куртку и штаны она прополоскала от пыли и развесила на ветвях, чтобы те побыстрее высохли. Ночь обещала быть прохладной, и пегаске не улыбалось провести ее в мокрой одежде или с влажной шерстью. Простуда в жару – вот уж была бы глупость из глупостей!

Правда, жесткая кожа едва отстиралась. Высохнув первый раз, явила взору лишь разводы. И вообще, не особенно-то она подходила для походов по степи или саванне.

Рейнбоу, грязно выругавшись, взялась за одежду снова: песок и пыль в шерсти уже успели ее достать.

Полученные недавно от Варда объяснения полетной немочи пегаску абсолютно не устраивали. Всякая метафизика типа судьбы, испытаний и прочей хрени ее всегда раздражала. Но других не было, и это бесило еще больше.

Невозможность найти ответ напоминала то отчаянное непонимание, чего же хотел добиться Алекс Вендар, раз за разом принуждая воспитанницу к сексу. Если хотел сделать из Дэш рабыню для утех, зачем тренировал и учил, будто собственную дочь? А если что-то другое – зачем насиловал и почему ждал целых шестнадцать лет? Все радужные прелести в любой форме можно было получить в «Пони-Плее» и еще ряде заведений гораздо проще. Иногда даже бесплатно: многим пони нравилось быть с сильными и властными людьми.

Впрочем, редко кто добровольно соглашался провести с Алексом Вендаром больше одной ночи. Старая мазохистка Рейнбоу Дэш Хоул не в счет.

Пегаска поймала себя на том, что снова думает о хозяине и прошлой жизни.

– Проклятье, – выругалась она вслух. – Что я должна сделать, чтобы получить назад мои крылья? Или хотя бы ответы?! Или с кем нужно трахнуть? Я согласна, мать вашу!

Она и вправду снова была готова переступить через собственные принципы ради ответов или полета. Даже с человеком или еще более омерзительным существом. Пусть даже с таким же садистом как Алекс. Вытерпеть ради такого еще один раз – не велика потеря.

Небо осталось безмолвным: мир Дорог не спешил давать маленькой пони ответы. Солнце закатилось за горизонт, и пустыня погрузилась в прохладные сумерки, грозившие перерасти в настоящий холод очень скоро, стоит только остыть почве и камням.

Поежившись при мысли об этом, Дэш спустилась обратно к оазису.

Гайка уже не спала и занималась тем, что пила из сомкнутых ладоней, стоя на коленях у воды.

- С добрым утром, - буркнула Рейнбоу, которая сразу почувствовала себя неловко. - Раз ты выпалась, будешь дежурить первой.

- Без проблем, - отозвалась Гайка, без труда распознав смущение пони. - А ты чего разгуливаешь голая?

- Постирала шмотье, пока ты была в отключке, - буркнула пегаска. - И если бы ты не провалялась весь день, тоже смогла бы вымыться и постираться. К тому же, тут все равно никого нет, кто бы пялился на мой круп.

При этом она невольно бросила мимолетный взгляд на Гайку, будто подозревая ее в этом. Пони изо всех сил старалась казаться спокойной, но инстинктивно прикрылась хвостом и села так, чтобы скрыть как можно больше.

Гайка деликатно отвернулась и сбегала в кусты. Когда же вернулась, увидела, что пони, касаясь носом висящих на кустах вещей, проверяет их на влажность.

Тень бархана уже накрывала оазис, когда Дэш занималась стиркой второй раз, и сейчас плотная одежда даже близко не приблизилась к тому, чтобы высохнуть.

Развести костер же пегаске не удалось: набранные дрова наотрез отказывались загораться. А в кино это было так просто!

- Чем занималась? - поинтересовалась Гайка, подойдя к источнику и умыв лицо.

- Смотрела мультики про свое прошлое, - отозвалась Дэш, сжав зубы. - То, что изо всех сил хочу забыть. Но что упорно мне лезет в башку, будто я обдолбилась имажером.

Гайка внутренне поморщилась. Имажер был наркотиком, что даровал яркие галлюцинации, воплощающие потаенные желания принимающего. Подсесть на него было делом легким, слезть - практически невозможным. И это несмотря на то, что при постоянном применении видения искажались и превращались в настоящие кошмары.

- У нас был спальник, - напомнила Гайка, не решившись спрашивать, откуда Дэш известны

такие подробности. – Он тонкий, но, похоже, из изолирующей ткани. И ложись к костру.

– Какому еще костру? – фыркнула пегаска. – Я думаю, обойдемся. Мы почти что в пустыне.

Гайка подавила улыбку. Ясно как божий день, что поняше просто не удалось развести огонь, но не хотелось признавать свою некомпетентность. А ночи в пустыне – даже холоднее, чем в осеннем городе за счет перепада температур. И, похоже, саванна была в этом вопросе не исключением. А если еще и взойдет красное солнце, поднимется ветер.

К счастью, эта мелочь была поправима – бродяжничая, Гайка научилась обходиться подручными средствами.

– Я займусь, – сказала она. – Только положи поближе дрова, хорошо? А то они для меня как бревна.

– Лады. Раз ты такая мерзлявая...

Сооружение пирамидки из палок и помещение внутрь растопки заняло пару минут. Дэш отошла к спальнику, а Гайка чиркнула спичкой, предварительно подсунув в тонкие веточки немного скомканных салфеток, прихваченных еще из Блессин Шейдс.

Рейнбоу расстегнула седельную сумку. Кинетические манипуляторы, служащие дополнением к хватательной складке на стрелке копыта, еще работали, и это внушало надежду на то, что и антиграв не сдох: оба биотехнических устройства работали в сопряжении.

– Спасибо, – сказала Гаечка, когда Дэш начала, ругаясь сквозь зубы, расстилать спальный мешок из серебристой ткани.

Пони прервала свое занятие и вопросительно уставилась на мышку:

– За что?

– Ты хотела от меня избавиться в начале пути, – сказала та, – и сегодня у тебя был шикарный шанс. Но ты им не воспользовалась и дотащила меня до оазиса.

Дэш поджала губы и какое-то время молчала. Потом снова взялась за спальник, раскатывая его копытом по земле.

– Знаешь, – сказала она, наконец, – про меня можно много чего сказать. Что я пьянчуга, эгоистка, хамло, убийца... даже то, что я всего лишь клон и гребаная человеческая подстилка, пусть и не по своей воле... И несмотря на то, что за последнее я все зубы пересчитаю, это, раздолби рогом Молестия, правда. Но на такую подлость, как бросить беспомощное существо

умирать в пустыне, я, наверное, неспособна.

- Значит, я была права, - улыбнулась Гайка.

- В чем?

- В том, что в глубине твоей души все еще живет Рейнбоу Дэш. Настоящая, а не эта ледяная броня.

Пегаска фыркнула, залезая в спальник и крылом застегивая клапан:

- Если мне надоест твое общество, я просто пошлю тебя подальше где-нибудь в городе или типа того. Честно и глядя в глаза. Но я никого не брошу беспомощно умирать, нет. По крайней мере, того, от кого я не видела очевидного зла.

- Спасибо...

- Все, проехали! - буркнула пони, отворачиваясь от света костра. - Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Рейнбоу Дэш, - улыбнулась мышка и подбросила в костер деревянную плашку.

Ночь, похоже, обещала быть долгой...

<http://tl.rulate.ru/book/82091/2554360>